

DOI 10.15826/izv2.2016.1.004

УДК 821.161.1-1(470.5) + 94(477.75) + 008

Н. С. Журавлева

*Национально-исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет
Челябинск, Россия*

ОБРАЗ СЕВАСТОПОЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКИХ УРАЛЬСКИХ ПОЭТОВ*

Цель работы — выявить образы Севастополя, созданные уральскими советскими поэтами, с использованием историко-функционального, культурно-исторического и биографического методов. В одном из первых стихотворений, написанных еще в 1930-е гг., город предстает как форпост не только южных границ на Черном море, но и как защитник в масштабах всей страны. Эта тенденция продолжала дореволюционную традицию по героизации Севастополя после Первой обороны (1854–1855) в годы Крымской войны. Укоренение в культурной памяти советского общества образа Севастополя как неприступной крепости происходит после событий Второй обороны (1941–1942) в период Великой Отечественной войны. Именно этому историческому отрезку посвящалась львиная доля произведений уральских поэтов, большинство из которых являлись очевидцами описываемых событий. На протяжении всего советского периода Севастополь маркировался как эталон мужества, как «место силы» советского (шире — русского) народа и даже как гарант национальной безопасности. Именно Севастополь сформировал уникальный локус Черного моря не только как курорта, но и как памятника героям. Подобная эмблематичность восприятия города в культурной памяти советского общества объяснялась несколькими факторами: удаленностью уральцев от Крыма, закрытостью города в советский период, а главное — сверхпатриотическим дискурсом, выработка которого началась в СССР еще в 1930-е гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Севастополь; уральские поэты; советская литература; сверхпатриотический дискурс; культурная память.

В системе символов, выработанных в истории человечества, город занимает особое место. Городская семиотика отражается в двух сферах: город как пространство и город как имя. Ю. М. Лотман выделял два вида города как пространства — концентрический и эксцентрический. В первом случае город есть идеализированная модель вселенной с присущим ему статусом центра (Иерусалим, Рим, Москва). Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Этот город создан вопреки Природе и находится в борьбе с нею. «Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии», — считал Ю. М. Лотман и подразумевал в первую очередь Петербург [Лотман, с. 10].

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00219.

Аналогичная характеристика вполне применима и к Севастополю¹. Этот город как пространство и как имя был предназначен самой историей для великих свершений. «Город, достойный поклонения», «величественный», «легендарный» — так переводится его название с греческого языка. Геополитическое положение Крымского полуострова и, в частности, Севастополя превращало этот регион в «яблоко раздора» на международной арене и способствовало героизации его исторических событий в культурной памяти русского общества. Рождение Севастополя в конце XVIII в. отвечало задачам внешней политики Российской империи по укреплению южных рубежей и созданию черноморского флота, а также активизации международной торговли в средиземноморском бассейне. С одной стороны, для России открывался путь в Европу, что резко возвышало ее престиж, а с другой стороны, обострялись противоречия с ведущими мировыми державами. Причем аналогичная борьба за гегемонию продолжала происходить и в период существования Советского Союза.

Событиями-маркерами в этом смысле стали Первая оборона Севастополя (1854–1855) в Крымской войне и Вторая оборона (1941–1942) времен Второй мировой войны. Именно эти сражения стали одними из ключевых в XIX и XX столетиях, серьезно изменив геополитический расклад на мировой арене. Симптоматично, что обращение к семантике этого города, попытка разгадать его культурно-исторический код характеризуют творчество отечественных деятелей изобразительного искусства, литературы, театра, кино как дореволюционного, так и советского периодов. Поиск места Севастополя в геопанораме России также продолжается и в наши дни.

Казалось бы, в силу удаленности Урала от Крымского полуострова и непричастности к его военно-морской деятельности уральские деятели культуры должны были остаться в стороне. Однако события Гражданской войны перевернули жизнь населения, вынудив многих включиться в политическую борьбу на разбросанных по всей стране фронтах боевых действий. Так, южноуралец Михаил Дмитриевич Голубых (1897–1971) участвовал в штурме Перекопа и разгроме барона Врангеля в Крыму, о чем писал в своих сочинениях. Правда, сюжеты, связанные с Севастополем, в 1920-е гг. почти не получили развития. О нем изредка вспоминали лишь в связи с эвакуацией врангелевцев. Крым прежде всего воспринимался как апогей противостояния «красных» и «белых», освобождение полуострова определило победу советской власти, и по понятным причинам эти события имели преимущество отображения во всех видах зарождающегося советского искусства и литературы.

¹ Фактором формирования идентичности двух городов выступает граница у моря — Балтийского и Черного, обладание ими превращает Россию в мировую державу. Отсюда — диалогичность и символичность Петербурга и Севастополя. Они как антитеза: «мрачный / светлый», «дождливый / солнечный», «европейский / мультикультурный», «рациональный / загадочный» и т. д. Трагические события Великой Отечественной войны скрепили их как города-побратимы, о чем, например, писала О. Ф. Берггольц в поэме «Верность» (1954).

Однако с середины 1930-х гг. изменения международной обстановки и подготовка страны к потенциальной войне привели к возрождению военно-патриотической линии. Происходит обращение к героическим страницам до-революционного прошлого страны, пропагандируются мощь и ратные подвиги российской государственности. В прославленной истории русского флота таким безусловным образцом являлась оборона Севастополя времен Крымской войны. Хронологическая удаленность способствовала общему тренду на ее героизацию и мифологизацию в культурной памяти советского общества, вытеснению реальных исторических фактов образами и символами. Известные советские писатели и поэты (А. А. Жаров, Б. А. Вадецкий, А. А. Сурков, С. И. Кирсанов, Л. С. Соболев, Л. В. Соловьев, С. Н. Сергеев-Ценский) создавали в своих произведениях облик города-крепости. Она неприступна для врагов как с суши, так и с моря, благодаря защите русских патриотов — отважных солдат, а также офицеров, которые вместе с народом разделяют тяготы армейской жизни и погибают на поле боя. При этом образ сражающегося Севастополя практически заслонил в памяти факт поражения России в Крымской войне, после которой империя утратила статус великой державы.

Уральские поэты в этом смысле не стали исключением. Например, одно из первых сочинений, в которых упоминался Севастополь, создал южноуралец Борис Александрович Ручьев (1913–1973). В стихотворении «Мой июль» (1934) автор описывает сон, в котором он как часовой облетает страну на самолете, любуясь ее просторами и природными богатствами. Севастополь упоминается в числе прочих регионов, достойных гордости и прославления.

Бродит море Черное потопом,
Все эскадры ставит на отвод,
Вдоль по морю город Севастополь
Броненосной крепостью плывет.

[Ручьев, т. 1, с. 84]

Севастополь — это защитник, гарант безопасности, несокрушимая твердыня. Также ассоциативно воспринимается и сама советская страна. Патетический стиль произведения, скорее всего, был навеян грандиозными переменами, происходившими в СССР. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) («съезде индустриализации») провозглашалось построение социализма в отдельно взятой стране. И средства массовой информации, включая художественные, именно с этим связывали достижение советским народом «светлого будущего». Оптимизм Б. Ручьева, вероятно, был связан еще и с тем, что 1934 г. стал для него переломным: в Москве вышла первая книга стихов «Вторая родина», его избрали делегатом на Первый Всесоюзный съезд советских писателей.

Между тем большинство стихотворений уральских авторов о Севастополе посвящены Великой Отечественной войне. Многие уральцы дошли до Севастополя и участвовали в его освобождении, к примеру, свердловчане Венедикт Тимофеевич Станцев (1922–2009) и Владимир Петрович Сибирев (1927–1995).

В составе 153-й Уральской стрелковой дивизии В. Т. Станцев выступал на страницах дивизионной газеты «Боевая гвардейская». Именно здесь он и родился как литератор. Поэма «Смотрю я памяти в глаза... Хроника победы» представляет описательную цепочку городов, в освобождении которых принимала участие дивизия: Москва, Ленинград, Сталинград, Кенигсберг. Эпизод штурма Севастополя — ключевой в Крымской военной операции — разделен на три части сообразно датам освобождения города. Первая часть — «Севастополь, 1944-й, 2 мая»: немецкие суда были потоплены советскими бомбардировщиками, поэт сравнивает их с косилкой, которая одним ударом подрезала неприятеля. Возникает образ недоступного Севастополя, который враги не возьмут и в десять лет. «Севастополь, 1944-й, 5 мая» — вторая часть: генеральный штурм начался с наступления на труднопроходимые Мекензиевы горы, где «ни дорог, ни троп, можно взять горы только в лоб», поэтому «все — немцам гроб!». Ожесточенную атмосферу сражения автору удалось передать благодаря стилю изложения — рубленному, отрывистому, динамичному:

Коленки — в клочья
и локти — в клочья,
скоро встанем
и все раскурочим!
Замолкли пушки по сигналу,
в дыму земля и облака,
да, после огненного вала
настала очередь штыка...

[Станцев, с. 71]

Третья часть — «Севастополь, 1944-й, 9 мая» — знаменует освобождение города. Утро для бойцов обещало быть прекрасным: цветущие деревья, мечты о романтических свиданиях. Но реальность взяла свое, и они разглядели, что пар над водой — не «кружевное облако», а взрывающиеся мины за кормой. На переднем плане катер рвется в бой: он и «пуля из ствола», и «чайка в два крыла», и летящий сокол. В этом образе угадывается метафора советской Красной армии. Строки «Все на штурм! Всё на штурм!!!» передают критичность момента, апогей битвы, когда на карту поставлены абсолютно все ресурсы. И хотя Севастополь был взят советскими войсками, автор не скрывает горечи от потерь: «В живых остались только пленные» [Там же, с. 72]. В этой строчке деликатно озвучивается вопрос о цене великой Победы: долгие годы в СССР замалчивались настоящие цифры человеческих жертв, и всю правду о количестве погибших стали узнавать лишь в годы «перестройки». В конце 1990-х гг. В. Т. Станцев в частной беседе признавался, что в его памяти, прежде всего, отпечатались дни взятия Севастополя, а не обороны Ленинграда или даже «сталинградского пекла»: после штурма Сапун-горы лежал буквально «вал из трупов» [Сутырин]. В целом, отрывок из поэмы В. Т. Станцева передает роль и значение Севастополя в истории Великой Отечественной войны. Советским войскам требовалось

взять город любой ценой, ведь он являлся «ключом» ко всему Крыму. В свою очередь, полуостров открывал путь для освобождения Украины и Белоруссии, а значит, гарантировал дальнейшее продвижение на Запад. Неслучайно при захвате Севастополя в 1941–1942 гг. была самая большая концентрация армии вермахта за всю Вторую мировую войну.

В стихотворении В. П. Сибирева «Монолог защитника Севастополя» говорится о самопожертвовании советского солдата, готового даже совершить самоубийство, лишь бы не попасть в руки немецких оккупантов. Автор также поднимает дискуссионный политический вопрос, редко отображавшийся в советском художественном творчестве, о предательстве некоторых народов СССР, которые в годы Великой Отечественной войны перешли на сторону Гитлера.

Добил меня крымский татарин!
Потом он карманы мои обыскал,
Разжился расчёскою медной
И, плюнув в глаза мне,
Легко зашагал
За немцем походкой победной.

[Сибирев, 2002]

Здесь враг представлен не только изменником своей страны, унижавшим советского солдата, но и мародером. В этом смысле он приравнивается к фрицу-эсэсовцу, который стрелял в пленного, а затем пнул его в «простреленный бок».

Между тем не только морские и сухопутные войска оберегали Севастополь от неприятеля. В защиту выступила сама природа. Так, стихотворение Людмилы Константиновны Татьяничевой (1915–1980) «Миндальное дерево на Малаховом кургане» (1963) посвящено двум важным свидетелям исторических битв. Во-первых, это миндаль, посаженный в начале XIX в. и переживший обе героические обороны города; во-вторых, сам Малахов курган — почти сакральный мемориал, «место силы» Севастополя. Изведав всю ярость и шквальный огонь, миндальное дерево «оказалось выносливее, чем броня». Миндаль представлен в образе воина «в рубцах и шрамах», несколько веков охранявшего землю от нападения врага: он «стоит и зорко смотрит вдаль». Сохранившееся вплоть до наших дней это «дерево огненных дней» остается символом стойкости духа, мужества русского советского солдата. Все эти годы «солдат» (миндаль) черпал силу в поддержке своей «матери» (земли).

...Земля Малахова кургана
Отвагой делилась
С ним.

[Татьяничева, т. 2, с. 501]

Эти строки показывают историческую связь между первой обороной царского и второй обороной советского периодов. Образ несокрушимой

твердыни — Малахова кургана — придает целостность и непрерывность истории России, великой державы, прославленной своими ратными подвигами.

Один из самых известных советских уральских поэтов-фронтовиков Михаил Давыдович Львов (1917–1988) не мог обойти вниманием тему сражающегося Севастополя. И хотя в стихотворении «Черное море» (1962) название города не упоминается, скорее всего, речь идет именно о нем. Создание русского черноморского флота произошло одновременно с рождением города — в 1783 г., и с тех пор они представляют единство. Черное море выступает константой в идентичности Севастополя. Поэт одушевляет море, называя его гордым и сильным, не забывающим своих героев: «молчанием, волнением, качанием и бурлением» [Львов, т. 1, с. 282] оно отдает дань памяти живым и павшим на поле брани. Антропоморфизм образу моря придают и такие черты, как мужество, гордость за славные победы, ощущение страдания из-за гибели товарищей. Все это формирует уникальный локус Черного моря как памятника героям. В данной образной модели Севастополь ассоциативно воспринимается как форпост на юге России.

В другом произведении М. Д. Львова, названном по первой строчке, «Это было в Севастополе» (1982), главные герои — черноморцы-моряки, сражавшиеся на суше, «перед носом у врагов», в рукопашном бою.

Прерывая
Человеческую
Жизнь свою —
всего одну.
Отлучались
на Отечественную
Величайшую Войну.
[Львов, т. 3, с. 9]

Этот героический случай показан как обычное исполнение долга, повседневность, но каждый такой эпизод приближал Великую Победу и делал имена героев бессмертными. Храбрость и бесстрашие этих моряков определяют характер самого города Севастополя, который, как и его защитники, в те дни стал синонимом слова Победа. Стоит заметить, что аналогичную оценку заслужил каждый из городов-героев Советского Союза.

В отличие от основной массы героических стихов о городе русских моряков, Владислав Петрович Крапивин (род. в 1938 г.) создал образ мирного города. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что писатель представлял поколение, чье взросление и начало творческого пути пришлось на послевоенное время. О стихотворении «Воспоминание о Севастополе» (1960) сам автор вспоминал так: «Это крик души о Севастополе, который я увидел впервые в 1960 г. Отчаянно хотелось снова туда из свердловской стылости и рутинных университетских забот» [Крапивин]. Неудивительно, что Севастополь предстает перед читателем многоцветным: синие — снег и море, желтые — окна, свет, солнце и камни, белые — развалины Херсонеса, голубые — волны. Тогда как

у большинства уральских советских авторов Севастополь, скорее, дуохромный: красный (кровь, война) и синий (море) или даже бесцветный. Город кажется юноше очень провинциальным, местами даже тоскливым: «там от сытости клонит ко сну». Судя по тексту, в городе как будто ничего не происходит. Вероятно, поэту так кажется на фоне сравнения с динамичным индустриальным Свердловском. Тишину иногда нарушает лишь теплый циклон, который качает корабли, приносит шторм, рвет крыши, и автор любит этим. Для него город — символ тепла, света, счастья, гармонии.

Севастополь,
Солнце мое,
в тишине летящих минут...
[Крапивин]

Вероятно, спокойствие и стабильность города, поразившие В. П. Крапивина, определялись тем, что длительное время советский Севастополь являлся закрытым. Здесь редко встречались случайные люди, население преимущественно работало в военно-морской сфере, исчисляющиеся сотнями памятники и названные в честь героев улицы напоминали о героическом прошлом — все эти особенности сформировали специфический этос города.

Одним их самых последних стихотворений уральских поэтов о Севастополе в советский период стало произведение В. П. Сибирева «Сапун-гора» (1986). На этой возвышенности шли самые ожесточенные бои с немецкими войсками в ходе Крымской операции 1944 г. по освобождению города. Оно посвящено Г. Кареву, погибшему, очевидно, в этом бою, на что указывает строка о «кровоавом пятне» вместо ордена на бушлате. Первая и вторая части произведения освещают бой, накаленность которого передают огненные метафоры: «горящие травы», «земля в горячечном жару», ей больно от «...пуль каленых, гранит сжигающих и мох». Даже «матросский полк катился лавой». Сапун-гора предстает перед читателем как оплот, ключевая оборонительная позиция на подступах к городу.

Однако третья и четвертая части переносят читателя в современность и трагируют политические проблемы эпохи «перестройки». Автор пишет, что в мирное время возникла ядерная угроза, которую он называет «ракетным осьминогом». В образе врага предстают «матросы чьих-то кораблей». Правда, в отличие от образов немцев, традиционно очерняемых в советской репрезентативной практике, новые враги не ассоциируются с насилием. Между тем их образ выглядит отталкивающим: они появляются «из щелей», «циничнее, чем флибустьеры», «...продать пытались вещи / а крейсер выглядел зловеще». Автор задается вопросом, мог ли он думать в конце той страшной войны, что человечество вновь может оказаться на грани уничтожения.

Что стволы орудий расчехленных
Будут вновь на нас наведены.

Но Сапун-гора всегда во мне.
И я слышу голос безымянных,
Тех, кто умирал у Инкермана
И проклятья посылал войне.

[Сибирев, 1986, с. 75]

Для В. П. Сибирева Сапун-гора выступает не просто символом победы над врагом, но и стремления к миру и согласию. Это также опыт, который будет востребован в условиях современных конфликтов.

Бдительность мою,
как кортик в ножнах,
Никогда

ничто

не притупит!

[Там же]

Таким образом, в уральской советской поэзии мотив Севастополя носил по преимуществу эпизодический характер. Несмотря на небольшой массив стихов, они по-своему показательны и позволяют раскрыть образ Севастополя, проследить взаимосвязь с внутри- и внешнеполитической ситуацией в стране. Как и многие советские литераторы, уральцы практически не затронули такие важные события истории XX в., как восстание черноморского флота 1905 г. под руководством лейтенанта П. П. Шмидта или исход белой армии барона Врангеля 1920 г. во время Гражданской войны. Тема города-курорта на берегу моря также почти не получила развития. Все это свидетельствует о том, что в исторической памяти советского общества образ Севастополя отпечатался благодаря его военной истории как образ города-героя, города-крепости. Его закрытость в советский период привела к некоторому искажению облика, его идеализации, порождая несколько однозначное восприятие. Советские фильмы и театральные постановки также способствовали тиражированию стереотипов в массовом сознании. Все это отображало сверхпатриотический дискурс, сформированный еще в 1930-е гг. и преобладавший на протяжении всего советского периода.

Крапивин В. Стихи. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusf.ru/vk/stihi/tom_1/1_50.htm (дата обращения: 02.10.2015).

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблем семиотики города // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин : Александра, 1993. Т. 3. С. 9–21.

Львов М. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худ. лит., 1978.

Ручьев Б. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, статьи, речи, интервью, заметки, рецензии. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1978.

Сибирев В. Порт приписки. Стихи. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.

Сибирев В. Стихи // Урал. 2002. № 7. С. 175.

Станцев В. Т. Явь : стихи, баллады и поэмы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000.

Сутырин В. Дядя Веня // Литературная Россия. 2012. 1 июня.

Татьяничева Л. К. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Худ. лит., 1985. Т. 2.

Статья поступила в редакцию 30.10.2015 г.

Журавлева Нелли Сергеевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Национально-исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет
454080 Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: zhurnell@mail.ru

Zhuravleva, Nelly Sergeevna

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Russian History
South Ural State University
(National Research University)
76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia
E-mail: zhurnell@mail.ru

**THE IMAGE OF SEVASTOPOL
IN THE WORKS OF URAL SOVIET POETS**

The paper aims to reveal the characters of Sevastopol created by Soviet Ural poets by using historico-functional, cultural-historical and biographical practices. In one of the first poems written in the 1930s, the city was depicted not only as an outpost of the Southern borders in the Black Sea region but also as a defender of the entire country. This trend continued the pre-revolutionary tradition of Sevastopol's glorification after the First Defense (1854–1855) during the Crimean War. Sevastopol's image as an impregnable fortress gradually drew stronger in the cultural consciousness of Soviet society, which continued after the Second Defense (1941–1942) during the Great Patriotic War. An overwhelming majority of poems by Soviet writers were dedicated to this historical period, many of whom witnessed the war. Over the course of the entire Soviet era Sevastopol was marked as a standard of courage, as a “place of power” of the Soviet (“Russian” in a broader sense) people, and even as the guarantor of national security. It was Sevastopol that shaped the Black Sea as a unique locus not only as a resort, but also as a monument to the heroes. Such an emblematic perception of the city in the cultural memory of Soviet society can be explained by several factors: the remoteness of Crimea from the Urals, its being a so-called “closed city” during the Soviet Era and — most importantly — the over-patriotic discourse, whose elaboration began in the USSR in the 1930s.

Keywords: Sevastopol; Ural poets; Soviet literature; over-patriotic discourse; historical memory.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, project #15-01-00219.

Krapivin, V. (n. d.). *Stihi* [Poems] (Vol. 1). Retrieved from http://www.rus.ru/vk/stihi/tom_1/1_50.htm
Lotman, Ju. M. (1993). Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of Saint Petersburg and the Issues of the Semiotics of the City]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannyye stat'i* [Selected articles] (Vol. 3, pp. 9–21). Tallin: Aleksandra. (In Russian)

Lvov, M. D. (1978). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works] (Vol. 1–3). Moscow: Imaginative literature. (In Russian)

Ruchev, B. (1978). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works]. Vol. 1. *Stihotvorenija, stat'i, rechi, interv'ju, zametki, recenzii* [Poems, Articles, Speeches, Interviews, Notes, Reviews]. Chelyabinsk: South-Ural publishing house. (In Russian)

Sibirev, V. (1986). *Port pripiski. Stihi* [The Port of Registry. Poems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural book publishing house. (In Russian)

Sibirev, V. (2002). *Stihi* [Poems]. *Ural*, 7, 175. (In Russian)

Stantcev, V. T. (2000). *Jav': stihi, ballady i pojemy* [Reality: Poems, Ballads, and Poems]. Yekaterinburg: Bank of cultural information. (In Russian)

Sutyryn, V. (2012, 1 June). Djadja Venja [Uncle Venia]. *Literary Russia*. (In Russian)

Tatianicheva, L. K. (1985). *Sobranie sochinenij* [A Collection of Works] (Vol. 2). Moscow: Imaginative literature. (In Russian)

Received 30 October 2015